

Тереса Мареш: Исторические источники в формировании исторического мышления

Я очень признательна организаторам «круглого стола» за то, что они пригласили меня принять участие в этом мероприятии. Мне повезло познакомиться с О.М. Медушевской во время моих поездок в Москву на конференции, которые проводились кафедрой историковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ, а книга «Теория и методология когнитивной истории» интересует меня потому, что я сама на протяжении многих лет занималась вопросом о роли исторических источников в исторических исследованиях. Хотелось бы поделиться некоторыми соображениями, возникшими у меня по прочтении обсуждаемой книги, а также привести ряд суждений польских теоретиков исторической науки по затронутой Ольгой Михайловной теме.

Сегодня общепринято отождествление истории и исторического знания, или, говоря словами Медушевской, «история рассматривается как наука, чей предмет – феномен человеческого мышления, человеческого познания, реализовавшего себя в ходе целостного и единого исторического процесса» (с. 17). Целью ученых, работающих в исследовательском поле исторической науки, является историческое познание, включающее в себя познание не только исторических фактов, но и (прежде всего) процессов и явлений, имевших место в прошлом. Именно на такой основе у человека формируется мышление, в нашем конкретном случае – мышление историческое. Медушевская указала на это, отметив, что «историческая наука по характеру своего объекта может и должна быть наукой об историческом мышлении» (с. 24). И далее: «Цель мышления – познание смысла, соединение представлений о законах окружающего мира с представлениями о собственных возможностях существования в нем» (с. 139). Основной реализацией исторического мышления является получение знания о прошлом и оперирование на основании сведений. Такое мышление предполагает не просто интеллектуальную активность, не просто упорядочение фактов и составление из них целостного образа прошлого, но и наблюдение за изменениями в структуре исторического процесса. Основными операциями исторического мышления являются анализ и синтез. Оно охватывает, среди прочего, сравнение, выявление различий, осознание специфики, обобщение, обнаружение системных закономерностей и построение заключений, так что все эти фундаментальные навыки могут формироваться на основании исторического материала. Необходимо, однако, помнить, что наилучшие результаты при формировании исторического мышления дает не простое освоение фактографии в готовом виде, а активная, творческая позиция по отношению к изучаемой действительности. Историческое мышление – это мышление динамичное, его носитель должен осознанно относиться к происходящим изменениям, а в собственной деятельности принимать во внимание сложившуюся историческую ситуацию. Мышление и деятельность такого человека охватывает все стороны жизни, в том числе политику, экономику и культуру. Создавая тот или иной целостный образ мира, носитель исторического мышления обращается к своему сознанию, т.е. к знанию об окружающем мире, а также к системе ценностей, существующей у него лично (или в социальной группе, к которой он принадлежит), и к вытекающим из этой системы нормам поведения. При этом понимание предыстории сложившихся отношений позволяет человеку смотреть на прошлое с перспективы сегодняшнего дня и, одновременно, воспринимать современность исторически, а универсальное видение мира обеспечивает восприятие исторического процесса с общечеловеческих, а не узкогрупповых позиций. Отсутствие перспективы, поверхностное восприятие происходящего сплошь и рядом приводят к формированию ложных суждений и оценок.

Из вышесказанного следует, что для формирования исторического мышления равно значимы как степень развития специальных знаний и умений, необходимых исследователю прошлого, так и человеческая позиция ученого или простого читателя (потребителя готовой/систематизированной исторической информации). Медушевская совершенно справедливо отметила, что говорить об историческом мышлении можно только тогда, когда мыслящий субъект самостоятельно осуществляет историческое познание через «интеллектуальный продукт» (с. 19) и знает на собственном опыте, что «любой продукт человеческого творчества открывает перед другим человеком свой информационный ресурс» (с. 53). Историческое познание может быть непосредственным, основанным на наших собственных памяти и наблюдениях (например, осмотре орудий труда или захоронений), либо опосредованным, опирающимся на память других лиц (в частности – очевидцев) или же на свидетельства источников, письменных и неписьменных. Именно на основании источникового материала устанавливаются факты. По мнению польского теоретика исторической науки Е. Топольского, историческим познанием может считаться всякое познание прошлого, осуществляемое на основании установленных

фактов и сконструированного историком нарратива (*Topolski J. Metodologia historii. Warszawa, 1973. S. 292*).

Оставим в стороне вопрос об определении исторического источника и проблеме их классификации (эта проблематика подробнее рассматривается в главе 3 обсуждаемой книги, названной «Источниковедческие стратегии»). Обратимся непосредственно к работе с историческими источниками, именуемой также их «критикой». На этапе внешней (эрудиторской) критики мы исследуем обстоятельства создания источника, оцениваем его аутентичность и подлинность, а также определяем время и место возникновения источника и личность автора. После ознакомления с содержанием источника мы переходим к внутренней критике (герменевтике), или интерпретации. Желая установить степень достоверности изучаемого текста, мы должны, среди прочего, определить, были ли искажения истины допущены сознательно, а также определить собственное отношение пишущего к излагаемым событиям (если таковое имелось). Последнее становится особенно важным тогда, когда автор источника прибегает к оценочным категориям. Здесь нам приходят на помощь наблюдения Я. Пузыниной, которая предлагает определить, что значит давать явлению определенную оценку, кто дает такие оценки, что является объектом оценки, для кого данный объект является ценностью, является ли встреченное выражение чисто оценочным (а точнее говоря – прежде всего оценочным), или описательно-оценочным, так что функция обращается для него вторичной, к каким сторонам принятой аксиологической системы обращается обсуждаемое слово, является ли оно эмоционально нагруженным, какова интенсивность выраженной в нем эмоциональной оценки, а если речь идет об описательно-оценочном выражении, то чем задается оценочная составляющая – словарным значением или коннотациями (*Puzynina J. Język wartości. Warszawa, 1992. S. 9*).

Исторические источники не «отражают» ушедшей действительности и не являются ее «следами». Их необходимо исследовать, добывая информацию о прошлом, и только на основании так полученной информации, с привлечением внеисточникового знания и при постоянных отсылках к принципам научного профессионализма, может быть сконструирован исторический нарратив. Историк сознает, что доступные ему источники субъективны. О.М. Медушевская задается вопросом, «в какой мере создание интеллектуального продукта можно считать адекватно представляющим человеческое мышление, внутренний мир человека, который в принципе остается ненаблюдаемым» (с. 65). Здесь следует воспользоваться советами Е. Топольского, по мнению которого при интерпретации текста необходимо принимать во внимание три тесно переплетающихся уровня – логико-грамматический (или информационный), уровень воздействия (или риторический) и теоретико-идеологический (или направляющий) (*Topolski J. Problemy transmisji wiedzy historycznej w edukacji szkolnej // Wiadomości historyczne. 1996. N 3. S. 152–155*). Историк необходимо учитывать не только то, о чем в источнике говорится, но и то, о чем автор умалчивает, недоговаривает, а далее задуматься о причинах такой позиции. Историк обязан быть подозрительным и недоверчивым к декларациям. Кроме того, следует оценить отношение пишущего к излагаемым событиям. Ключевая роль в восприятии знания о прошлом, исходящего от источника, принадлежит самому адресату-читателю. Е. Топольский противопоставляет два типа читателей – семантических (т.е. наивных) и семиотических (т.е. подходящих к тексту критически). Наивный читатель ограничивается так называемой семантической интерпретацией, иначе говоря – воспринимает текст в его буквальном значении, тогда как читатель вдумчивый сопровождает семантическую интерпретацию анализом содержания текста. При интерпретации текста (в том числе и исторического нарратива) следует принимать во внимание, с одной стороны, интенцию произведения и автора, а с другой – интенцию читателя. Только рассмотрение читательской интенции, т.е. того, что читатель готов увидеть в тексте и чего от него ожидает, наравне с интенцией произведения и автора, создает определенное интерпретационное целое, и именно это имела в виду Медушевская, когда написала, что «необходимо подробнее остановиться на фундаментальных проблемах формирования интеллектуального продукта, с одной стороны, и интерпретации информации, которая в нем сохранена, – с другой» (с. 50).

И. Курч обратила внимание на то, какое значение для интерпретации текста имеет проблема воплощенных в нем стереотипов, которые позволяют редуцировать лишнюю для читателя информацию, а с другой стороны – восполнять возникающие пробелы (*Kurcz I. Procesy pamięci // Psychologia / red. T. Tomaszewski. Warszawa, 1975. S. 28–29*). Стереотип может сформировать своеобразные «этикетки» и «ярлыки», что, в частности, становится почвой для развития негативных ассоциаций и предубеждений, которые подчинят себе интерпретацию текста. В такой ситуации необходимо сопоставлять данные источников с внеисточниковыми фактами, а также выявлять скрытые смыслы изучаемого текста. Полезно также знать стереотипы изучаемого периода, региона или социальной группы, поскольку это помогает восприятию источника и про-

чтению авторских аллюзий. Ознакомление со стереотипами прошлого необходимо потому, что, как написала Медушевская, «каждый интеллектуальный продукт несет в себе, с одной стороны, отражение целеполагания создавшего его автора, и с другой – отражает ту общую картину мира, то информационное пространство, в которое данный продукт органично вошел после его создания» (с. 55).

Историк не изучает прошлое как нечто, существующее вне его в готовом виде. Напротив, исследователь с самого начала создает нарративный образ своего объекта. По мнению Е. Топольского, прошлое не поддается ни «отражению», ни «реконструкции», а «если невозможно ни “отразить”, ни “реконструировать” прошлое, то не остается ничего, кроме как конструировать это прошлое в рамках нарратива» (*Topolski J. Wprowadzenie do historii. Poznań, 1998. S. 12*). В своем конструировании прошлого историк зависит от источников, внешнеисточникового знания, а также от требований метода. И именно на эти аспекты обращает внимание О.М. Медушевская, когда отмечает, что «при работе с текстом читатель руководствуется своей картиной мира, он ищет и находит известное и ожидаемое, он распознает привычные образы, конструирует “повторяемости” и сходства» (с. 234).

Содержательному обсуждению вопросов исторического образования и методики работы с источником посвящена глава 5 обсуждаемой работы, названная «Историческое образование в условиях смены парадигм». Автор указывает на необходимость переосмысления принятой в сегодняшней высшей школе образовательной модели, и с этим я полностью согласна. В то же время, на первых страницах своего труда Медушевская утверждает, что в современной школе «история преподается не как наука или научный метод, но как набор достигнутых знанием утверждений, сопровождаемых оценочными суждениями, ориентированными не на обсуждение, но на усвоение» (с. 16). С этим я, к сожалению, не могу согласиться. Так, как пишет Медушевская, было «раньше», во времена Советского Союза и «народной демократии» в Польше, т.е. в тот период, когда историческое образование, основанное на обучении самостоятельному мышлению и критическому отношению к источникам информации, рассматривалось, как минимум, не всегда позитивно. Сегодня основной акцент делается на современный подход к историческому образованию, целью которого (как и исторической науки в целом) является ознакомление школьников и студентов с сущностью прошлого, то есть с историческими фактами. В Польше, особенно начиная с 1999 г., когда началась реформа образования, огромное внимание уделяется тому, чтобы в процессе обучения формировались не только «знания», но и «умения». Одним из способов обучения является самостоятельное получение знания путем совершения собственных «открытий». Немалую роль в реализации поставленных образовательных задач играют исторические источники. Непосредственная работа с историческим текстом формирует у обучающихся навык самостоятельного извлечения новых сведений, не представленных напрямую в школьном или университетском учебнике; основой при этом служит именно источник. Работа с источником позволяет развивать навыки критики источников, а также верификации полученных знаний.

В 1990-е гг. я специально исследовала воздействие исторических текстов на развитие исторического мышления (*Maresz T. Wpływ źródełowych na rozwój myślenia historycznego uczniów: teoria a praktyka. Wydgoszcz, 2004*). Из моих исследований видно, что при подготовке к уроку школьники прежде всего обращаются к учебнику и разного рода обобщающей литературе (70%). Показателен, однако, тот факт, что все чаще и чаще они обращаются непосредственно к источниковому материалу (26%). При написании письменных работ и подготовке к устным ответам учащиеся самостоятельно обращались к фрагментам хроник, дневников и воспоминаний, чтобы привести описания свидетелей событий. Фрагменты источников (например, высказывания того или иного исторического лица) чаще всего выступали в качестве иллюстрации, но в старших классах встречались и попытки самостоятельной оценки содержания документа или сопоставления нескольких суждений современников об одном и том же событии. Школьники не просто «обращались» к источникам, но и пытались их анализировать, на основе чего возникли их собственные объяснения исторических явлений и процессов. Необходимые тексты заимствовались из учебников, хрестоматий и научно-популярной литературы. Мои исследования позволяют утверждать, что школьники, во-первых, интересуются анализом источников и предпочитают читать их самостоятельно (а не слушать учителя, использующего источники как иллюстрацию), а во-вторых – все чаще обращаются к информации, заимствованной непосредственно из источника, хотя и не всегда еще, к сожалению, могут ее оценить. Самостоятельно прочитанный исторический текст оказывает воздействие на знания школьников по истории и расширяет их кругозор. Устойчивость полученных знаний становится выше в том случае, если учащиеся могут проверить знание, извлеченное из учебника, сопоставлением с источником материалом.

Обучение должно быть уподоблено процессу научного исследования, так как информация вполне может осваиваться в результате самостоятельной познавательной деятельности учащихся, которые попутно овладеют определенными исследовательскими навыками. Для реализации этой модели необходимо обеспечить активность школьников на уроках. Необходимость самостоятельно добывать те или иные знания вынуждает учеников ставить проблемы, формулировать и проверять гипотезы, а в конце концов, как следствие процесса мышления, – вырабатывать собственное мировоззрение. В высшей школе эти навыки развиваются еще больше, так как в программах польских университетов предусмотрено параллельное чтение нескольких курсов соответствующего характера, таких как «Методология исследований», «Инструментарий историка» или «Вспомогательные исторические дисциплины».

По моим наблюдениям, такой же подход к выработке у подрастающего поколения навыков работы с источниками проводится и в современном российском образовании, причем как в средней, так и в высшей школе.

Думаю, поэтому, что замечание О.М. Медушевой относится к предыдущему историческому этапу. Сейчас не менее важно не потерять обретенного пути и, выбирая между «знанием» и «умениями», основной акцент делать именно на эти последние. Овладев «умениями», каждый может прийти к «знанию», ибо познание прошлого осуществляется путем эмпирических наблюдений над материалом источников.

(Перевод с польского Д.А. Добровольского)

Р.Б. Казаков: Источниковедение как область наукоучения в структуре исторической науки у О.М. Медушевой

В трудах Ольги Михайловны, ее выступлениях на конференциях, заседаниях Ученых советов и заседаниях кафедры да и просто в разговорах с коллегами всегда можно обнаружить ее императив – наука только тогда становится подлинной наукой, когда умеет осмысливать себя и преподавать накопленное научное знание научному сообществу. Иногда это убеждение формулируется явно, иногда оно прослеживается в логике обоснований собственных высказываний, но не случайно при этом ориентация на проблемы и стратегии преподавания источниковедения в вузе. Этот вектор рассуждений задан и в книге, посвященной проблемам теории и методологии когнитивной истории. От формулирования наиболее общих понятий когнитивной истории (гл. 1 и 2) – через выстраивание ее исследовательских стратегий и способов структурирования полученного нового научного знания (гл. 3 и 4) – к образовательным стратегиям и формированию «новой образовательной модели истории как университетской дисциплины» (с. 293) (гл. 5).

Научное сообщество за века своего существования выработало разные способы презентации добытого нового научного знания. Современное состояние научного сообщества, основы которого были заложены еще в начале Нового времени с формированием науки в понимании этого феномена как европейского, таково, что освоение основных способов презентации научного знания происходит в практике вузовского преподавания. Здесь осваиваются приемы написания основных видов квалификационных работ с их способами верификации полученного знания: письменных докладов, курсовых работ и – наконец – выпускной дипломной работы. Ольга Михайловна обращается при этом «к прямому смыслу сочетания двух латинских слов»: верификация «есть проверка истинности научного утверждения, которая устанавливается в результате сопоставления с эмпирикой объекта» и настаивает на юридически обязательном обосновании новизны исследования, значимости его результатов и установлении истинности каждого из утверждений автора квалификационной работы (с. 253–254).

Так теоретически обосновывается и постулируется важнейшее положение в практике преподавания наук о человеке и обществе: верификация полученного нового знания происходит через соотнесение научного утверждения (сформулированной автором квалификационной работы исследовательской гипотезы) с эмпирическим материалом, собранным и изученным автором в своем исследовании. Верификация состоит при строгом соблюдении процедур установления истинности и обязательной экспликации этих процедур в самой работе. Отсюда становится понятным то принципиальное значение, которое придается тем частям квалификационных работ, где задаются и обосновываются набор и последовательность верификационных процедур, методы их применения, ожидаемый результат и результат, полученный в ходе исследования. Как известно, это введение и заключение – неперенные атрибуты квалификационных письменных работ в науках о человеке и обществе.